

1 Полный цугцванг.

Пессимист: Говорил же тебе, — сходи к зубному!

Семинарист: Ммм!

Пессимист: Как всегда, сказал начальству, что идешь зубы лечить, а сам прекрасно провел время в другом месте?

Семинарист: Ммммммм!!!

Оптимист: Не ругайся. На вот, пополощи. Теплая водичка с содой.

Пессимист: Лучше бы водкой...

Оптимист: Ни в коем случае! Проглотит же!

...

Семинарист: Вроде полегчало немного... Спасибо!

Оптимист: Пожалуйста.

Пессимист: Завтра же — к зубному!

Семинарист: Эх. Тот случай, когда приходится выбирать из двух зол...

Между прочим, когда у меня от боли искры из глаз сыпались, я довольно ярко представил себе этот процесс в вечности, без конца. Босх и Брейгель нервно курят в сторонке...

Оптимист: Да уж, такое не нарисуешь.

Семинарист: Но ведь страдания грешников в Аду будут гораздо страшнее, чем сильная зубная боль! Зачем это Богу?

Оптимист: Ну а как же справедливость? Преступники должны понести наказание! Вот взять, к примеру, Гиммлера, или любого другого палача...

Пессимист: Не понимаю, почему божественная справедливость непременно требует именно вечного мучения? Почему бы этих негодяев просто не уничтожить, как результат неудачного эксперимента? Ну не вышло из них ничего хорошего...

Семинарист: Только что единственной мыслью в моей голове было: “мама, роди меня обратно”. Но все-таки небытие — это очень, очень страшно. Настолько, что ни одно существо, обладающее сознанием, никогда не выберет разрушение, обнуление своего “я”: воли, мыслей, памяти... После расставания с телом, когда человек должен ясно осознать “чистое бытие”, без всяких материальных отвлечений, вряд ли грешник захочет

аннигилироваться. Поэтому и Бог не станет этого делать, ведь Он уважает свободную волю.

Пессимист: Да-да. Скажите это самоубийце. Он желает именно не быть, прекратить существование, которое превратилось в непрерывное мучение уже в этой жизни...

Оптимист: Мне тоже кажется, что такое объяснение неверно. Просто Бог это не лаборант, экспериментирующий на хомячках. Он любит каждое Свое творение.

Пессимист: Странная любовь получается, раздвоенная. Уничтожить несчастных Бог не может, так как дал человеку свободную волю по любви. И вечного мучения грешников не хочет, также по любви. Означает ли это, что Его желание сохранить свободную волю — сильнее сострадания к обреченным на вечную муку? Первая любовь сильнее второй? Свободная воля — это какая-то ценность “в себе”? Получается, что Бог Сам Себя загнал в эдакий цугцванг.

Оптимист: Нет никакой первой и второй любви. В божественной Природе нет сложности. Просто божественную любовь Вы себе представляете слишком по-человечески. Как будто Бог может похлопать какого-нибудь Пол Пота по плечу и сказать, — ну ладно, ты убил тысячи людей и продолжил бы убивать, если бы не кончилась твоя земная жизнь. Я все равно тебя прощаю, потому что очень тебя люблю, какой ты есть... Нет! Любовь Бога соединена со справедливостью! Одно дополняет другое, это единая Природа. Вы начинаете анализировать Бога, разделять Неделимого, — отсюда и непонимание.

Пессимист: Ну так и скажите: Бог непостижим, пути неисследимы, — конец дискурса. Если Вы вообще хотите хоть что-то сказать о Боге, должны принять условия игры. Мы мыслим именно так, аналитически!

Оптимист: Отцы не анализировали, а созерцали Бога в Его простоте! Так вот, они говорят, что Бог есть Любовь, однако и грешников ждет вечное наказание. И Писание также утверждает и то, и другое. Значит муки каким-то образом совместимы с божественной благостью. Мы просто не совсем понимаем как, поскольку не видим этого “лицом к лицу”.

Пессимист: Хорошо, зайдем с другой стороны. Ваш ребенок съел пирожные, которые Вы запрещали ему есть. За это преступление Вы навсегда выгоняете малыша из дома, “во тьму внешнюю”, чтобы он там плакал и скрежетал зубами! Отличный родитель, bravo! Вечное мучение — за временные преступления! Максимальная мера наказания —

несмышленному человеку, который временами вообще путает добро со злом! Получается, что у Бога какая-то странная “любовь к трем апельсинам”, очень слабо напоминающая обычные человеческие чувства к собственному ребенку. Как любить такого Бога? Как называть его Отцом?

Оптимист: Ваша аналогия намеренно подчеркивает невинность поедателя пирожных, это искажение истинного положения вещей.

Есть другая притча: один из взрослых сыновей возненавидел своего отца (потому что тот “не давал ему развиваться как личности”), потребовал от него треть имущества, обругал последними словами и “эмансипировался” на страну далече, где все полученные денежки растратил на блудниц и вино. Немного иначе выглядит, не правда ли? И ведь отец ждет блудного сына и готов на пол-пути встретить кающегося, только бы он захотел вернуться! Так что человек сам выбирает свое “местопребывание”. Выбор в этой жизни определяет его состояние в вечности.

Пессимист: Все равно не срабатывает. Сын оскорбил отца и растратил его имущество. Наказание в человеческом, юридическом смысле обычно соизмеряется с нанесенным ущербом. Но Богу невозможно нанести никакого ущерба! Его даже оскорбить нельзя: с таким же успехом маленькая собачка может лаять на самолет.

Оптимист: Почему же? Ведь Он ясно сказал: “тот, кто не сотворил добро одному из малых сих, и Мне не сотворил”. Бог ассоциирует Себя со страдающими людьми, терпящими обиды и лишения. Он Сам воплотился и принял самые несправедливые страдания и смерть. Бог стал человеком, был распят и воскрес для того, чтобы всех спасти!

Пессимист: Послушайте, выходит, что божественное воплощение еще и ухудшило положение грешников, увеличив их вину!

Оптимист: Только тех, кто не хочет каяться! Зато у остальных появилась возможность избавиться от грехов!

Пессимист: Все равно, если после всех этих спасительных действий вечные мучения все-таки существуют, получается, что всемогущий Бог не смог осуществить своего замысла. Ведь Он хочет всех спасти и в познание истины привести, верно?

А если спасающихся еще и совсем немного (на что намекают, например, известные слова “тесны врата, ведущие в жизнь вечную... и немногие входят ими”), получается, что либо произошел провал миссии Христа, либо Он и не собирался

спасать всех, а только горстку праведников! В первом случае — проблема с утверждением о всемогуществе Бога, во втором — непохоже, что Бог есть любовь, это надо как-то иначе назвать.

Семинарист: Мне тоже непонятно, как Любовь Бога совместима с вечными муками миллионов разумных существ. Поэтому я думаю, что Бог всех спасет, так, или иначе.

Оптимист: Это оригенизм! Он осужден Вселенскими Соборами и отцами!

Семинарист: Ну не знаю... В интернетах говорят, что не все так просто. Что-то там про Юстинианово письмо... Про Григория Нисского...

Оптимист: Слышал звон! Это все — жалкие попытки уйти от очевидного факта: Апокатастасис, учение о всеобщем восстановлении, — ересь еретическая, отвергнутая Церковью! А с Евангелием что делать будем? Может подправим? Ведь Господь говорит: “идут сии в муку вечную”!

Семинарист: Ну... Может, это такой воспитательный прием? Чтобы боялись и меньше грешили. Как наш Инспектор говорит, что отчислит всех, кто прогуливает лекции... Но я-то пока еще не отчислен! Хотя вот, к примеру, даже сейчас...

Оптимист: Некоторых все же отчислили за прогулы! То, что предупреждение имеет дидактическое значение, вовсе не отменяет реальности наказания.

Пессимист: Ну, сам-то Ориген предложил более изящное решение: прилагательное “вечный” образовано от слова “век”, “эон” по-гречески. Таким образом “вечность” состоит из эонов, очень длинных промежутков времени, которые все равно однажды окончатся, и тогда грешники будут восстановлены в первоначальном состоянии.

Оптимист: Слова о вечной муке были сказаны Господом Иисусом на арамейском, оригинал до нас не дошел. Так что гадать, какой именно перевод был бы более точным, — нет смысла. Нужно понимать значение высказывания в прямом смысле, а не выкручиваться с помощью греческой грамматики.

Пессимист: Но ведь Златоуст тоже использовал грамматику для того, чтобы испортить жизнь сторонникам очистительного огня. У него получается, что грешники не “спасутся”, а “сохранятся” в огне¹ и будут продолжать гореть без конца. Вы до сих пор с этим толкованием носитесь...

¹Речь идет о толковании на 1 Кор 3:15, ставшее предметом споров между сторонниками и противниками Чистилища, на Ферраро-Флорентийском соборе.

Оптимист: А какова альтернатива? Чистилище? Все равно ведь вопрос не решается: у католиков Ад никуда не девается. Огненное очищение предназначено только для верующих во Христа, причем только для правоверных католиков.

Семинарист: Ну хоть какая-то надежда, что тебя не совсем в пепел сожгут, а так, — прожарят, чтобы нехорошие запахи вышли...

Оптимист: Самообман! Это придумано, чтобы неотвратимость наказания не мешала грешить! Есть Ад и Рай — и точка!

Семинарист: А зачем мы тогда за усопших молимся, просим, чтобы им Бог грехи простил?

Оптимист: Он и прощает. Своей царской властью! И никакого “удовлетворения за грех” не надо!

Пессимист: Вот именно! О чем я и говорил: царь-тиран, который вытворяет, что хочет. Как у каких-нибудь древних персов. Законы и справедливость для него ничего не значат.

Оптимист: Ну а как по-Вашему это должно выглядеть сегодня? Как гуманное помилование массовых убийц и демократичное лобызание с нераскаявшимися палачами?

К тому же, как сказал Василий Великий, — если мука грешников будет иметь конец, то окончится и блаженство праведных, “жизнь вечная”, — а это было бы несправедливо.

Семинарист: Может быть, по окончании мук, в последнем эоне, в будущем веке, Бог избавит грешников от страданий, а праведники еще и просветятся как солнце? И несправедливости не будет.

Оптимист: Ну не может спасение злодеев вроде Геринга согласовываться с их свободной волей. Они полюбили зло, сроднились с ним, сами стали темными как ночь! Не хотят они в Рай и все тут.

Пессимист: Не думаю, что они так сроднились со злом, что сами хотели бы вечно страдать в огне, с плотоядными червяками...

Семинарист: Что-то мрачно, — сейчас прибавлю яркости. Помер один дядька. Ведут его по разным потусторонним обителям. Открывают одну дверь, он смотрит: народ с крыльями на арфах играет, песни Богу поют. Не, — говорит, — скучно здесь. Покажите, чего там у вас еще есть! Открывают другую дверь: там дым коромыслом! Вино, кино и домино. Вот, — говорит, — мне сюда! Ну, шагнул в дверь, — и плюх в котел со смолой!

Вопит: а как же кино и домино? А ему отвечают: это была ихняя адская реклама!

Оптимист: “Советская классика не стареет”. Только там была не “реклама”, а “наглядная агитация”.

В целом, интуиция правильная. Грешник сам определяет свою судьбу в вечности. Ведь любовь Бога это “огнь опаляющий” и никто не сможет укрыться от этой теплоты. Те, кто подобен металлу, становится от этого огня еще чище, а тот, кто похож на сухую деревяшку, — загорится. И деваться ведь будет некуда! Разве что в Ад, где меньше всего ощущается присутствие Бога!

Пессимист: Я понимаю, вам обоим очень хочется сместить акцент, чтобы не Бог отправлял грешников в огонь с червяками, а они сами туда прыгали. При этом, какой именно “анекдот” по этому поводу рассказывается, — дело вкуса. Например, можно как Льюис придумать историю про автобус, который возит грешников из Ада в Рай “на экскурсию”, и желающие могут там остаться насовсем.

Однако в Библии полно сцен, где Бог активно расправляется с грешниками: Он выбрасывает в огонь негодных рыб, сжигает солому неугасимым огнем и т.д.. От этого никуда не уйти.

Семинарист: Ну, в жестком варианте тоже можно попробовать. Бог ненавидит зло, и при этом любит грешника. Но что если грешник соединил свою волю со злом так, что возненавидел свет, добро, Бога, себя, само существование со всей силой, на которую способен? Разве Бог может любить душу, которая полностью стала злом, грехом?

Оптимист: Бог любит все свои творения, даже крайних грешников. Нет ни одного существа, в котором была бы одна чернота. Оно просто перестало бы существовать!

Пессимист: Ну вот мы и пришли к логическому концу: либо оставшийся свет угаснет в вечности, либо будет восстановлен. Бесконечное тление не имеет смысла ни с точки зрения онтологии, ни сотериологии. Одним словом, если вы вообще хотите, чтобы ваше богословие имело какой-то смысл, нужно либо согласиться с аннигиляцией, либо с универсализмом, всеобщим спасением.

Семинарист: Это при условии, что человеческая воля может меняться. Но если после окончания мира времени больше не будет, душа будет похожа на муху в янтаре.

Пессимист: Жуть какая!

Оптимист: Отцы задумывались об этом. Дамаскин пишет про ангельское время, про эон, который отличается от нашего времени, хроноса. Только Бог неизменен, а все остальные — меняются потихоньку (например, возрастают в любви к Богу). Так что там существует некий континуум, непохожий на наш.

Пессимист: Вы оба — пленники неоплатонизма, но непоследовательные. Пытаетесь совместить библейского Бога и Бога философов, — отсюда и проблемы. Вы либо возьмите ветхозаветного тирана с геноцидами и горящими городами, либо — Единое неоплатоников, которое до того бесстрастно, что вовсе не имеет личности. А компот из таких разных ингредиентов получается очень странный.

Оптимист: Отказ от богословского синтеза отцов равнозначен отвержению Священного Предания! Нельзя разрушать основы, какие бы благородные цели мы перед собой ни ставили, — будь то самая, что ни на есть, модная теодицея, или согласование с научными данными, — да что угодно!

Семинарист: А я считаю, что необходим новый синтез! На основе этого, как его... Хайдеггера!

... Ой-ой-ой! Опять зуб заболел!

Оптимист: Терпи. Может, за это тебе какие-нибудь грехи простятся.

Пессимист: Все, несите уже водку!

Конец диалога №...